

Герой Советского Союза, кавалер 12 советских орденов, 3 Георгиевских крестов, 4 орденов иностранных государств И. М. Манагаров ушел из жизни 27 ноября 1981 г.

Замечательно, что о генерал-полковнике помнят на его родине. Отметим, что в годы Советской власти она приобрела статус города областного подчинения в Донецкой области. Еще при жизни наш герой стал почетным гражданином города Енакиево. Наполнен глубоким смыслом факт нахождения стелы И.М. Манагарова на аллее Героев в этом городе.

Память о видном военачальнике увековечена не только в его родном городе. Жители городов Кременчуг, Ялта гордятся тем, что одна из улиц их городов была названа в честь этой яркой личности [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Манагаров, Иван Мефодьевич // Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [https://ru.wikipedia.org/wiki/Манагаров, Иван Мефодьевич](https://ru.wikipedia.org/wiki/Манагаров,_Иван_Мефодьевич). – Дата доступа : 01.02.2019.
2. Манагаров Иван Мефодьевич : Министерство обороны ... [Электронный ресурс]. – Режим доступа : encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/heroes/USSR/more.htm?id... – Дата доступа : 11.01.2019.
3. Манагаров, Иван Мефодьевич – это... Что такое Манагаров, Иван ... [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1502459>. – Дата доступа : 21.01.2019.
4. Манагаров Иван Мефодиевич // Публичная Библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [publ.lib.ru/ARCHIVES/M/MANAGAROV Ivan... – ManagarovI.M.html](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/M/MANAGAROV_Ivan...-ManagarovI.M.html). – Дата доступа : 31.01.2019.
5. Манагаров Иван Мефодьевич [Электронный ресурс]. – Режим Доступа : www.biograph.ru/index.php/polkovod/1863-managarov. – Дата доступа : 31.01.2019.

С. В. Кулинок

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ БЕЛОРУССКОГО ШТАБА ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ С СОЮЗНЫМИ, РЕСПУБЛИКАНСКИМИ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ НКВД/НКГБ И ОРГАНАМИ ВОЕННОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ «СМЕРШ» ПО ВОПРОСУ ВЫЯВЛЕНИЯ НЕМЕЦКОЙ АГЕНТУРЫ

Тема взаимодействия Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) как с вышестоящими органами руководства партизанской борьбой (Центральным штабом партизанского движения – ЦШПД), так и с органами государственной безопасности различного уровня до настоящего времени не становилась объектом самостоятельного комплексного исследования. Это

в равной степени относится и к сотрудничеству по вопросу выявления агентуры противника. Отдельные аспекты этой проблемы нашли освещение в историографии и изданных сборниках документов [1–7]. В вышеназванных исследованиях и изданиях, как правило, только обозначался сам факт взаимодействия советских органов госбезопасности с партизанскими соединениями и приводились отдельные примеры совместных действий.

В данной статье будет рассмотрено, как проходило и осуществлялось взаимодействие БШПД с органами госбезопасности и структурами «Смерш»; насколько интенсивным и результативным было это взаимодействие и какие вопросы в первую очередь рассматривались и решались.

В годы войны в разведывательном отделе (РО) БШПД концентрировался значительный объем разведывательных данных, касающихся форм и методов деятельности немецкой разведки [8, л. 81–82; 9, л. 341; 10, л. 137–137 об.; 11, л. 201–202; 12, л. 43 об.; 13, л. 12 об.–13; 14, л. 236–236 об.], работы разведывательно-диверсионных школ не только на территории БССР [15, л. 88–89; 16, л. 21–22, 411; 11, л. 240; 17, л. 6 об.], но и в Польше [15, л. 43; 16, л. 16; 18, л. 184–185], Германии [19, л. 58–59; 16, л. 166; 20, л. 110;], других регионах СССР [16, л. 235, 407; 11, л. 189; 21, л. 109; 22, л. 131, 133 об.–134]. Поэтому своевременное получение этих данных республиканскими, союзными и территориальными органами НКВД/НКГБ, а с апреля 1943 г. и органами «Смерш», во многом было залогом успешной работы по выявлению и разоблачению засылаемой агентуры.

Представляется корректным выделить 4 уровня взаимодействия БШПД с советскими спецслужбами.

1. Это непосредственное взаимодействие разведывательного отдела БШПД с указанными органами госбезопасности. В этом случае информация, поступающая в РО и касающаяся деятельности немецких спецшкол и агентуры, анализировалась и проверялась, а затем направлялась в органы НКВД/НКГБ и «Смерш». Такой способ взаимодействия использовался, когда разведывательные данные были очень важными и требовали оперативного решения. Например, в конце августа 1943 г. на территории Могилевской области были разоблачены несколько шпионов, окончивших школу в Могилеве и сообщившие установочные данные об агентах, подготовленных для отправки в тыл СССР и части Красной армии [15, л. 44–44 об.]. Эти сведения поступили в РО БШПД, и старший помощник начальника отдела Наум Косой подготовил аналитическую справку, которую отправил в том числе в Главное управление контрразведки (ГУКР) «Смерш», НКВД БССР и СССР. Это форма взаимодействия была не очень распространенной.

2. Сотрудничество в рамках существующего текущего (обязательного) документооборота. Это в первую очередь касается разведывательных сводок БШПД, которые согласно табеля срочных донесений от 10.10.1942 г. должны были предоставляться каждые 3–4 дня. Только за 1943 г. в разведсводках БШПД была представлена информация о деятельности школ и курсов в

Сенно, Могилёве, Борисове, Слуцке, Витебске, Петрикове, Минске, Полоцке, Бресте, Орше, Гомеле [23, л. 13, 89, 113, 129–130, 147, 172, 214, 219, 250, 316]. Поскольку сводки составлялись в нескольких экземплярах (от 9 до 13), то они попадали в НКГБ и НКВД БССР, разведывательный отдел Генерального штаба РККА, Главное управление контрразведки РККА.

3. Взаимодействие на уровне руководителей БШПД (начальника, заместителей начальника), соответствующих спецслужб и их структурных подразделений. Это могла быть служебная инициатива руководства, или результат рабочей переписки по текущим вопросам. Например, 16 мая 1944 г. на имя наркома госбезопасности СССР В. Меркулова и замначальника ГУКР «Смерш» генерал-лейтенанта Н. Селивановского из БШПД было направлено спецсообщение, в котором, в частности, указывалось: «По донесению командира соединения минских партизан полковника т. Мачульского от 15.5.1944 г. партизанской бригадой «Смерть фашизму» задержан и разоблачен немецкий агент Плетнев Семен Филиппович, 1914 г.р., уроженец Курской области. На допросе Плетнев показал, что он окончил школу диверсантов-террористов, находящуюся в д. Курганы Минского района и области. По его же данным, в конце мая месяца сего года с Минского аэродрома должны выбросить в Смоленские леса 130 диверсантов. Немецкий агент С. Ф. Плетнев в партизанской бригаде был завербован и послан обратно с заданием при заброске его в советский тыл явиться в органы НКВД и сообщить подробные данные о засланных агентах и диверсантах» [15, л. 122; 16, л. 411] (в документе стоит резолюция – «Сообщено т. Меркулову и Селивановскому»).

27 мая на имя наркомов госбезопасности СССР и БССР В. Меркулова и Л. Цанова, генерала Н. Селивановского и начальника управления контрразведки «Смерш» 1-го Белорусского фронта А. Вадиса было отправлено спецсообщение за подписью заместителя начальника БШПД И. Ганенко о том, что в мае 1944 на территорию БССР был направлен представитель Белорусского штаба партизанского движения, некто П. Козлов. Он инспектировал бригады на юге Минской области, но при возвращении обратно был разоблачен немцами и завербован для учебы в одну из минских разведшкол. После обучения П. Козлова отправили на задание, но, он в свою очередь, был разоблачен одной из партизанских бригад и дал подробные установочные данные о 6 немецких агентах, обучавшихся вместе с ним. Его группа должна была вылететь в ночь на 30 апреля в район Гомеля для разведки аэродромов. Также он сообщил подробные сведения о своем задании [16, л. 414–415].

В качестве примера взаимодействия с республиканским наркоматом государственной безопасности БССР можно привести сообщение из БШПД № 462сс от 3 марта 1944 г. на имя Л. Цанова, которое касалось деятельности немецкой разведывательно-диверсионной школы в Новогрудке. В нем приводились установочные данные о 11 агентах, засланных в партизанские формирования, и на 6 – направленных в тыл СССР [16, л. 231–232; 24, л. 56–56 об.]. В апреле 1944 г. на имя В. Меркулова, Л. Цанова и С. Бельченко

(нарком внутренних дел БССР – С. К.) была отправлена информация о деятельности немецких учебных разведывательных центров в м. Лыкк (Восточная Пруссия) и в д. Стахово (Пинская область) и выпуске агентуры с подробными установочными данными о 21 агенте [25, л. 40–41 об.; 16, л. 248–249].

Приведем интересный пример того, как белорусские партизаны оказали большую помощь сибирским территориальным органам НКВД в разоблачении группы немецких диверсантов. С весны 1942 г. на советско-германском фронте начал действовать специальный разведывательно-диверсионный орган Главного управления имперской безопасности «Цеппелин», одной из задач которого было ведение подрывной работы в тылу СССР. Его основные учебные центры располагались на территории Польши и Германии. Руководство «Цеппелина» всерьез готовилось осуществить ряд крупных промышленных диверсий в глубоком тылу СССР – в районе Нижнего Тагила и Магнитогорска. С этой целью во Вроцлаве (Бреслау) и Волуве (Польша) началась подготовка 18 диверсионных групп для их последующей заброски в глубокий тыл СССР. По невыясненным причинам в 1943 г. от этой идеи отказались, а агентов распределили в различные разведслужбы и учреждения по всему Восточному фронту. Среди них – Федор Ведерников, он прибыл в м. Лужки, где находился один из штабов бригады Гиль-Родионова. Здесь ему следовало организовать работу по борьбе с партизанами, однако он был выявлен и разоблачен «народными мстителями». В результате проведения следственных мероприятий этот агент сообщил подробнейшие сведения о системе отбора, учебных дисциплинах, преподавательском составе, техническом оснащении, системе подготовки в вышеназванных учебных центрах [15, л. 69–85; 16, л. 568–574]. Все эти данные были переданы в союзные органы госбезопасности и внутренних дел*. И когда в феврале 1944 г. «Цеппелин» начал практическую подготовку операции «Ульм» – самой далекой заброски диверсантов на Восточном фронте, то территориальные органы НКВД за Уралом были своевременно проинструктированы и готовы к этому. Собственно, первая и единственная группа, засланная немцами, была выявлена и разоблачена.

В марте 1944 г. из БШПД на имя наркома Л. Цанава было направлено сообщение следующего содержания: «В БШПД из тыла поступило большое количество материалов, представляющих значительный оперативный интерес для органов НКВД. В числе этого материала имеются данные об агентуре противника, о предателях, изменниках Родины и др. антисоветского элемента. В целях быстрой обработки указанного материала прошу выслать в БШПД группу оперативных работников» [26, л. 72].

В советские органы госбезопасности были переданы данные о заброске в советский тыл немецкой агентуры, подготовленной в Борисове, Вилейке, Волковыске, Глубоком, Гомеле, Пигановичах, Лепеле, Минске. Только

* На документе стоит резолюция: «О школах подготовки агентов составить доклад, обобщив данные, которые направить в ЦШПД, ЦК КП(б)Б, ГУКР «Смерш», ГУК НКО. О всех проходящих лицах сообщить в НКГБ БССР и ГУКР «Смерш». – С. К.

протокол допроса преподавателя радиодела из абвершколы в Борисове И. Матюшина-Фролова содержал установочные данные о 31 группе немецких агентов, засланных на территорию СССР, и о 3 группах, готовящихся к отправке [27, л. 1–35].

Важно отметить, что имела место и обратная связь. Например, 26 марта 1943 г. НКВД СССР информировал БШПД о деятельности на территории Городокского района немецкого агента «Максим». Благодаря этому предупреждению своевременно были сориентированы 5 партизанских бригад, действовавших в этом районе [28, л. 24]. В январе 1944 г. в Белорусский штаб партизанского движения пришло спецсообщение из НКГБ СССР за подписью замначальника 4-го Управления Н. Эйтингона. В документе указывалось, что «по агентурным данным оперативной группы НКГБ СССР, действующей в тылу противника, до 2-го февраля с.г. немцы намечают облаву на партизанское соединение генерал-майора Капуста с применением авиации. В облаве будут участвовать две дивизии, состоящие из регулярных войск противника и ряд полицейских частей» [29, л. 4].

4. Еще одна форма взаимодействия органов госбезопасности и контрразведки с БШПД велась не по линии разведотдела, а по линии отдела кадров и касалась установления факта участия того или иного лица в партизанском движении. В годы войны большое количество партизан и участников движения сопротивления были вывезены на большую землю либо вышли туда с оккупированной территории. Они затем проходили обязательную проверку в органах госбезопасности. Эту же процедуру проходили и лица, которые оказались на освобожденной территории, которых проверяли в фильтрационных лагерях, при устройстве на работу и т.д. Если в биографии человека были данные об участии в партизанском движении, то они обязательно проверялись и уточнялись отделом кадров БШПД через систему запросов. География этих запросов очень широкая – от Архангельска и Мурманска до Ростова-на-Дону и Сталинграда [30, л. 106–107, 265–266, 458–460; 28, л. 25, 47–48; 29, л. 7; 26, л. 36, 104, 106, 134–134 об.]. В ряде случаев таким путем были установлены немецкие агенты и подозрительные лица, которые пытались легализоваться на освобожденных территориях.

Подводя итог, отметим, что в отчете РО БШПД от 5 мая 1944 г. указывалось: «наша разведка выявила 59 немецких агентов, заброшенных в глубокий тыл Советского Союза с задачами диверсионно-террористического характера, о чем нами информированы органы государственной безопасности. На территории Белоруссии партизанской разведкой взято на учет активного профашистского и прочего антисоветского элемента – всего 16.495 человек. Списки на весь полученный элемент переданы органам НКГБ Белоруссии и в “Смерш”» [13, л. 58–59]. В годы Великой Отечественной войны велось активное взаимодействие БШПД и союзных, республиканских и территориальных органов госбезопасности и контрразведки «Смерш» по вопросам выявления немецкой агентуры. До настоящего времени эта работа не нашла своего отражения ни в советской, ни в российской, ни в отечественной

историографии. Из БШПД поступали достаточно подробные и разнообразные данные о деятельности немецких разведшкол и подготовке агентуры для заброски в тыл СССР и части Красной армии, которые при их своевременной передачи в советские органы госбезопасности способствовали скорейшему выявлению и разоблачению немецкой агентуры. Причем это касалось не только территории БССР, но и сопредельных территорий, а также Польши и Германии. Взаимодействие осуществлялось по четырем основным направлениям, а его интенсивность была достаточно высокой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бритвин, Н. И. Взаимодействие органов НКО и НКВД в годы Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.) / Н. И. Бритвин // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные органы безопасности: история и современность: материалы XX Всеросс. науч. конф. (Москва, 1–2 декабря 2016 года). – М., 2017. – С. 192–198.
2. Веденеев, Д. В. Протидія радянських спецслужб німецьким розвідці й контррозвідці на території України в 1941–1944 рр. / Д. Веденеев, О. Е. Лисенко // Український історичний журнал. – 2015. – № 1. – С. 69–91.
3. Доморад, К. И. Разведка и контрразведка в партизанском движении в Белоруссии 1941–1944 гг. / К. И. Доморад. – Минск : Навука і тэхніка, 1995. – 256 с.
4. Киселев, В. К. Борьба партизан с подрывной деятельностью фашистских спецслужб в Белоруссии / В. К. Киселев // Вопросы истории. – 1984. – № 3. – С. 42–56.
5. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. – Т. 3: Крушение «Блицкрига», кн. 1: 1 января – 30 июня 1942 г. – М. : Русь, 2003. – 691 с.; Т. 4: Секреты операции «Цитадель», кн. 1: 1 января – 30 июня 1943 г. – М. : Русь, 2008. – 813 с.; Т. 4: Великий перелом, кн. 2: 1 июля – 31 декабря 1943 г. – М. : Русь, 2008. – 814 с.; Т. 5: Вперед на запад, кн. 1: 1 января – 30 июня 1944 г. – М. : Кучково поле, 2007. – 752 с.
6. Попов, А. Ю. НКВД и партизанское движение / А. Ю. Попов. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 383 с.
7. Шарков, А. В. НКВД Беларуси на защите Отечества в годы суровых испытаний (1941–1945) / А. В. Шарков. – Минск : Тесей, 2012. – 257 с.
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1350. Оп. 1. Д. 35.
9. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 15.
10. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 60.
11. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 61.
12. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1297.
13. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 3. Д. 188.
14. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 26.
15. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 56.
16. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 57.
17. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 75.

18. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 65.
19. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 36.
20. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 11а. Д. 34.
21. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1300.
22. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 1.
23. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 4.
24. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 179.
25. НАРБ. – Ф. 1405. Оп. 1. Д. 39.
26. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 22.
27. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 150.
28. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1.
29. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 12.
30. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 33.

Ф. А. Свинтицкий

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА МОГИЛЁВЩИНЕ (1941–1944)

В отечественной историографии довольно редко встречаются работы, посвященные региональным аспектам партизанского движения. Между тем создание регионально ориентированной базы данных партизанских формирований позволяет увидеть особенности их дислокации и боевой деятельности в отдельно взятом регионе. Могилёвская область накануне войны в административно-территориальном плане включала 21 район, включая Березинский район Минской области.

Рассматривая историю партизанского движения в регионе, мы наблюдаем особенности, обусловленные географическими различиями. Почти 40 % площади области покрыто лесами, около 7 % занимают болота. Обширные массивы с преобладанием хвойных пород обеспечивали сравнительно безопасное базирование партизанских отрядов. Наибольшую площадь лесов имели Кличевский, Осиповичский, Бельничский, Кировский, Быховский, Березинский районы, ставшие центрами партизанской борьбы. В Мстиславском, Горецком, Дрибинском районах таких лесных массивов не было, что затрудняло дислокацию партизанских отрядов. Отметим также, что восточные районы области были освобождены осенью 1943 года, продолжительность боевых действий партизан составляла почти на год меньше.

Партизанам Могилёвщины приходилось действовать в тыловых районах немецкой группы армий «Центр», считавшихся театром военных действий. Аппарат гражданской администрации здесь не функционировал. Оккупационная власть принадлежала командованию армейских частей и военно-полевым комендатурам. Их главной задачей являлась охрана транспортных коммуникаций и военных объектов, борьба с группами